

НАТАША АЙВЕРС

ЕЁ МЕЧЕНЫЕ

18+

Наташа Айверс
Её Меченые

«Автор»

2026

Айверс Н.

Её Меченые / Н. Айверс — «Автор», 2026

Один взрыв и всё, что было — спутники, системы, города, — исчезло. Теперь мир — выжженные руины, заражённые зоны и мутанты, которых клеймят. Меченые — люди, которые после Вспышки обрели нечеловеческую силу, но расплачиваются за неё медленной смертью. Ася с рождения жила в укрытии. Восемнадцать лет родители прятали, учили, оберегали её и говорили, что она особенная. Но когда они исчезли, ей пришлось выйти в этот мир, где доверие — роскошь, а жизнь — товар. Её кинули на арену, где под крики толпы друг друга рвут они — Меченые. Безумные. Обречённые. И только один вопрос грохочет в её голове, заглушая рев трибун: Как быстро она умрёт?

© Айверс Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Наташа Айверс

Её Меченые

Пролог

Первое, что я услышала, когда пришла в себя, — восторженный рёв толпы в предвкушении кровавого зрелища. Я широко распахнула глаза, не желая умирать в темноте: где-то далеко прогремел очередной взрыв. Секунду спустя задрожал пол, с потолка посыпалась пыль, и я услышала как кто-то заорал:

— Ставки! Принимаем ставки!

Я сидела на холодном бетоне, руки были связаны за спиной, губа разбита, на языке — солёный привкус крови.

По ту сторону решётки раздавались грохот, хрипы и крики. Меченые рвали друг друга, как звери, без пощады. Кровь брызгала во все стороны. Хрустели кости — толпа взрывалась восторженными аплодисментами, пока с арены уносили то, что осталось от предыдущей «жертвы».

Я — следующая.

Меня подхватили под мышки, вытолкнули на арену и швырнули на влажный и холодный песок, как падаль. Я подняла взгляд вверх. Вокруг арены тянулась металлическая решётка, за которой ярус за ярусом уходили ввысь трибуны. Люди сверху скандировали, махали руками, смеялись. Некоторые подались вперёд, как будто боялись пропустить момент моей смерти.

А в центре арены стояли они. Меченые.

Все трое были огромными, мышцы бугрились, будто вот-вот прорвут кожу. Тот, что посередине, был самым массивным. Его чёрные волосы сбились в колтуны, грудь покрывали шрамы, в руках — тяжёлые цепи. Справа от него стоял блондин с короткой стрижкой. Вокруг него воздух дрожал, словно искажался от жара, что исходил от его тела. Слева — мрачный, неподвижный гигант, по всему телу которого проступали тёмные, почти чёрные вены.

Все трое — машины убийств. Что я знала о мутантах? Их регенерация была быстрее, чем у меня. Тогда почему грудь у того, что посередине, так и осталась в шрамах?.. И ещё — у них у всех должна была быть метка. Такая же, как у того, которого папа убил в лесу.

Но самое страшное — даже не это. Самое страшное — их глаза, одинаково пустые, чёрные, как бездна.

Они убьют меня. Мне, конечно, развязали руки, и я буду сопротивляться, но что я могла сделать против этих монстров?

— Двигайся, девчонка, кричи, проси пощады, — прошипел голос судьи. — Зрители не любят, когда добыча молчит.

Я не двигалась. В меня ткнули палкой с острым наконечником, видимо, по приказу судьи. Я почувствовала, как острое легко вошло в бок, прокалывая кожу, и кровь потекла по бедру. Я дёрнулась от боли, дыхание перехватило, на одно мгновение потемнело в глазах, но мне удалось сдержать крик боли. Да, я здесь сегодня, скорее всего, умру, но устраивать им спектакль с истериками я не намерена.

Самый крупный Меченый сделал шаг ко мне: один, затем второй. Он дышал тяжело. Я как замороженная смотрела, как жилы у него на шее вздувались, будто канаты... Каждое его движение — как у зверя, который оценивал добычу по запаху, а не глазами. Он принюхивался, щурился, разглядывая меня, словно пытался понять, что перед ним. Я была меньше них по размеру, но не настолько же, чтобы он мог меня не заметить. Его язык мелькнул между зубами

— он медленно облизал губы. Меня обдало холодом. Они что — едят себе подобных? Людей? Или... он просто пробовал мой запах на вкус?

И вдруг он замер. Второй тоже сделал полшага вперёд и окаменел на месте, как будто ударился о невидимую стену.

Только блондин отреагировал иначе. Он словно встряхнулся, отступил на шаг назад, прикрыл глаза, а когда открыл их снова, я увидела в голубых радужках не ярость, а хищный голод.

Это длилось всего секунду.

Я вскочила на ноги.

Толпа взорвалась восторженным визгом от предвкушения зрелища и крови. Сверху в меня полетела бутылка; она разбилась о решётку, и мелкие острые осколки осыпали меня, оставляя царапины и красные дорожки крови на коже. Зрители аж завывали от радости, хохоча и выкрикивая ставки.

Но всё заглушил нечеловеческий рык самого крупного Меченого, который внезапно бросился на меня. Двое других почти синхронно прыгнули следом.

Песок под их ногами буквально разлетелся в стороны, как от ударной волны. Меня затрясло: то ли от адреналина, то ли от ужаса.

И всё же я продолжала смотреть в глаза своему убийце. Интересно... как быстро я умру?

От автора

Дорогие читатели,

Эта книга не похожа на мои прежние — она значительно мрачнее и делает акцент не на романтике, а на выживании и внутренней борьбе.

Она — о мире, где слишком легко потерять себя и сложно оставаться человеком.

Когда моя жизнь пошатнулась, вдохновение ушло, новые тексты будто перестали рождаться, и это было страшно — словно слова и образы действительно исчезли, оставив в голове пустоту.

Как ни парадоксально, именно эта история — тяжёлая и хватающая за душу, как оголённый нерв — вернула мне голос и желание писать. Пока я пишу о боли героини, я проживаю свою. Наблюдая, как она пытается выжить в мире, который рушится, я постепенно нахожу силы идти дальше. А следом наконец ожили и другие мои истории.

Думаю, именно такая книга мне и была нужна: резкая, болезненная, но всё же не лишённая света и любви.

Жанр — альтернативная история, постапокалипсис, многомужество.

Но в центре — всегда человек и то, что позволяет ему оставаться человеческим, даже тогда, когда мир вокруг трещит по швам.

Глава 1

Ася, 5 лет

На кухне пахло вишнёвым вареньем. Мама поставила на стол миску с бинтом и шприцом, а я сидела на табуретке, опираясь локтём на клеёнку с голубыми цветочками. Один цветочек в уголке так и остался немного жёлтым — это я пролила йод, когда была маленькой, и хорошо это помнила.

— Мама, я больна? — спросила я, подтягивая носок, который почти сполз с пятки.

Мама подняла глаза. Светло голубые, как небо.

— Нет, доченька. С чего ты взяла?

— Ты всё время кровь берёшь... — я потрогала вчерашний пластырь на сгибе локтя, — и иногда хмуришься... Вот как сейчас.

Мама затянула жгут, я сжимала и разжимала кулак, пока в пальцах не начало покалывать — это значило, скоро будет иголка.

— Нет, солнышко, — мама наклонилась ближе, чтобы я видела её глаза. — Ты не больна. Я просто проверяю, как ты растёшь.

— Почему?

— Чтобы знать, что ты сильная.

Она погладила меня по щеке.

— Ты у меня особенная девочка. И я должна быть уверена, что с тобой всё в порядке.

Я кивнула. Мама гладила место на руке ваткой, пахло спиртом и немного щипало. Я смотрела на лампочку, чтобы не видеть как мама прокалывала кожу. Она сказала «сделай глубокий вдох», я считала до десяти в голове — и вот всё закончилось.

— Умничка, — прошептала мама. Она наклеила пластырь, а пробирку поставила в холодильник, тот в котором «не еда», а лекарства.

Я смотрела как мама прибирала со стола, ёрзала на стуле и наконец решилась задать самый главный вопрос:

— Мам... а мы сегодня будем играть в прятки?

Мама замерла и тяжело вздохнула:

— Не будем, — наконец ответила она.

— Правда?... Спасибо, мамочка! — я спрыгнула с табуретки и обняла маму за талию, прижавшись щекой к её свитеру. Он немного колосся, но мне было всё равно. Главное — прятки не будут.

Играть в прятки мне вообще-то нравилось. Правила проще некуда: нельзя плакать, нельзя звать маму и папу, нельзя выходить, пока папа не даст сигнал.

Сигналом служил рожок. Папа дул в него, и рожок делал «бу-у-у» так громко, что у меня в груди всё вибрировало. Обычно папа дул один раз, но если я не вылезала, делал это снова и снова.

Но вчера...

Всё началось как обычно. Когда мама сказала, что сейчас будем играть в прятки, я юркнула в каморку под лестницей, отодвинула доску у задней стены и поползла в темноту. Это место — только моё, потому что взрослые туда не пролезали: им плечи мешали. А мне там было удобно. Темно и тихо, но эта темнота меня не пугала.

Внутри у меня лежали два одеяла: нижнее кололось, зато грело, а верхнее оставалось мягким и пахло мамой. В углу стоял ящик — в нём лежали бутылки с водой (иногда приходилось долго ждать) и железная коробка с печеньем. Я всегда ела понемножку, чтобы печенье не закончилось до конца игры.

А в дальнем углу стояло ведро с крышкой. Я старалась на него не смотреть. Однажды мама с папой разбудили меня ночью, чтобы поиграть, и пока я ждала сигнала, мне так захотелось в туалет, что описалась. Я тогда думала, что мама рассердится, но она похвалила меня, дала мне ведро, объяснила, как его использовать, и велела отнести в мой тайник. С тех пор ведро тоже стало «частью игры».

А ещё у меня лежал фонарик-брелок. Маленький. Он светился слабым жёлтым светом, если нажать посередине. И тогда я могла видеть в темноте. Но я включала его только на секунду, чтобы убедиться, что он работал, и клала обратно в ящик — берегла батарейку.

Вчера, после того как я спряталась, всё шло как всегда: я сидела, не издавая ни звука, и слушала грохот сверху — мама с папой двигали мебель, кричали, роняли что-то тяжёлое на пол. Папа гремел чем-то железным, наверное... кастрюлями, только намного громче, чем обычно.

Иногда казалось, что кто-то плачет, но я была уверена, что это мама делала вид, что расстроена, чтобы проверить, вылезу ли я. А я не хотела вылезать, потому что тогда я проиграю. Я хотела выиграть, чтобы папа сказал мне «молодец».

Было скучно. Сначала я считала до самого большого числа, какое знала. Потом слушала, как у меня в животе бурчало. Потом я поела печенье и попила воды. Я всегда старалась не пить слишком много, потому что ведро, конечно, стояло рядом, но через время всё равно начинало вонять даже с закрытой крышкой, а потом ещё мама заставляла его тащить наружу, чтобы помыть — бе-е-е.

Шум наверху давно затих, но сигнала всё ещё не было.

И я уснула.

Когда я проснулась, было тихо. Не слышно было ни шагов, ни криков, ни хлопанья дверей. Но и сигнала не было.

Я лежала и ждала. Так долго, что перестала понимать, день сейчас или ночь.

Потом я снова уснула.

Когда проснулась во второй раз — сигнала всё равно не было.

Я подумала: может, папа дул, а я так крепко уснула, что проспала? Но папа же говорил, что нельзя вылезать раньше сигнала.

И тогда я решила выглянуть, совсем чуть-чуть. Не чтобы вылезти, а просто проверить, всё ли там у них в порядке.

Я выбралась из-под лестницы на карачках и тихо поползла в сторону кухни. Там тоже никого не было. Я аккуратно выглянула из-за угла. Входная дверь была открыта.

На пороге сидела мама. В этот раз она не делала вид — она и правда плакала, закрыв лицо ладонями. А папа...

Папа поливал крыльцо водой из ведра.

Я подумала: наверное, они просто потеряли меня, вот мама и переживает. Если я покажусь — она сразу перестанет плакать.

Я встала и пошла к выходу.

Вот только когда я подошла ближе и папа поднял голову...

Он совсем не обрадовался, что я нашлась. Он бросил ведро, подбежал ко мне, схватил, его пальцы больно впились в мои плечи. Он закричал мне прямо в лицо:

— Я сказал ждать сигнала!

Я испугалась так сильно, что ноги задрожали. Я не понимала — я же всегда всё делала правильно. Я ждала. Но игра была слишком долгой, а папа всё никак не дул в рожок, поэтому я...

— Ты никогда не выходишь без разрешения, поняла?! — он затряс меня, так что зубы застучали и тут к нему подскочила мама.

Её голос был хриплый:

— Хватит, хватит... Саша, Сашенька, успокойся. Ты пугаешь её... Всё закончилось, слышишь.

Она хватала его за руки, а потом за лицо, целовала его, гладила по голове. Губы у неё были белые, а глаза красные.

Когда папа отпустил меня, мама присела на корточки и крепко меня обняла. Я плакала и просила прощения, а она шептала, что они просто очень сильно испугались, что я вылезла раньше времени, и что это очень важно. Я пообещала, что больше никогда-никогда не выйду без сигнала.

Папа смотрел мимо нас — куда-то в сторону — и молчал.

После этого мама сказала, что отведёт меня на кухню и накормит. Я спросила, почему папа поливает крыльцо и что там за красное пятно с какими-то кусочками. Мама вздрогнула и сказала, что «разбила банку с вареньем, и папа сейчас всё вымоет», и что «всё будет хорошо».

Я расстроилась — варенье я любила.

Когда мы пили на кухне чай, мама всегда ставила передо мной кружку с мишкой и давала мне ложку варенья. Я брала ложку, зубами ухватывала ягоду. Ароматный вкус кисло-сладкой вишни растекался во рту. Когда ягоды заканчивались, я клала ложку с остатками варенья в чай и размешивала, чтобы он стал сладким. Я жадно делала большой глоток. Горячо — язык щипало, я ду-у-у-ла и снова пила. На языке становилось сладко, а в животике — тепло.

Я очень любила чай с вареньем, а мама с папой варенье никогда не ели. Наверное, взрослые просто не любят сладкое. Поэтому, когда мама сказала, что банка разбилась, я, конечно, расстроилась, но не заплакала.

Потом мама кормила меня пюре с тушёнкой, а когда папа помыл крыльцо, мы вместе пили чай на кухне.

Вот только мама снова дала мне ложку вишнёвого варенья.

И я видела банку. Она была целой. Она стояла на полке, где и всегда, будто её никто и не разбивал.

Я хотела спросить, почему мама сказала, что банка варенья разбилась...

...но не спросила.

А то вдруг папа опять рассердится или захочет снова поиграть в прятки.

Поэтому я просто тихо допила чай.

Глава 2

Ася, 8 лет

Папы не было два дня. Это очень долго.

Мне даже пришлось спать с мамой ночью. Она сказала, что так я помогаю ей не волноваться. Я очень старалась лежать тихо-тихо, чтобы она побыстрее заснула, но она лежала и только вздыхала. И тогда я стала гладить её по спинке. Мама так всегда делала когда я была маленькая и мне было страшно. Я лежала рядом, слушала её дыхание, а потом и сама заснула.

На следующее утро папы всё ещё не было. Обычно он уходил утром и к обеду возвращался, иногда его не было целый день, но уж к ужину-то он всегда был дома.

Мама говорила: папа охотится. Папа говорил, что там, куда он ходил, может быть опасно, поэтому нас с собой он не брал, но когда я вырасту, точно возьмёт. Оставалось подождать совсем чуть-чуть. Я уже могла сидеть тихо-тихо и играть в прятки очень подолгу.

Я любила, когда папа приходил с «охоты». Я бежала ему навстречу, а он подхватывал меня, кружил и подбрасывал в воздухе. От него пахло дымом и пылью. Это запах приключений.

С тех пор как он сделал вокруг дома специальный забор, мне разрешали выходить во двор. К забору только подходить было нельзя, потому что он «кусается». Так папа сказал. Но мне этот колючий забор всё равно нравился, потому что теперь я могла играть во дворе, копаться в огороде и бегать. Иногда я помогала маме на грядке, а иногда просто смотрела на жуков. Однажды я увидела одного красно-чёрного. Он медленно ползал по листьям и поедая маленьких зелёных букашек, которых я сначала даже не заметила. Было очень интересно наблюдать, как жук охотился.

А потом он поднял блестящие красно-чёрные крылышки на спине, а под ними спрятались огромные прозрачные крылья — тонкие, как паутина на солнце.

Он раскрыл их, зажужжал так громко, что я испугалась, ахнула и плюхнулась прямо попой на грядку.

Мама засмеялась, помогла мне подняться и сказала:

— Не бойся, это божья коровка. Она не кусается. Она тлю ловит, помогает нашему огороду.

Но сегодня мама меня не пускала во двор. Она сказала, что лучше поиграть в прятки в доме, но мне не хотелось. Во-первых, играть в прятки без папы — это нечестно. Во-вторых, у мамы нет рожка, чтобы давать сигнал, а без рожка игра — не настоящая. Просто сидеть тихо — это не прятки.

Много раз за день я подходила к окну, отдёргивала штору и смотрела на ворота. День тянулся тихий и скучный.

И вот под вечер во дворе наконец-то звякнул металл. Потом раздался тяжёлый скрежет ворот. Мы с мамой застыли у окна и даже перестали дышать, вглядываясь в тёмный проём.

— Подожди, — сказала она тихо, когда я сделала шаг к двери.

Сначала показалась тень, а потом я его узнала.

Я шмыгнула носом, почти ударилась лбом о стекло и прошептала:

— Папа...

И прежде чем мама успела что-то сказать, я уже бежала по двору так быстро, как могла. Папа шёл медленно. Не так, как обычно — быстро и решительно, а тяжело, как будто он заболел. Но стоило мне подбежать ближе, как он присел, раскрыв руки мне навстречу, как всегда. Я влетела в его объятия, а он прижал меня так сильно, что я запищала:

— Раздавишь, папа!

Мама тоже подбежала. Папа обнял и её второй рукой. Я любила, когда мы обнимались втроём. Это всегда приятно.

— Что случилось? — спросила мама шёпотом.

Папа медленно провёл пальцами по её щеке и покачал головой. Я знаю, что это значит: поговорим потом. Только взрослым можно так делать, и это нечестно. Почему у них от меня секреты?

Я лежала головой на плече папы и смотрела на его руку, которой он гладил маму по лицу. Его пальцы покрывали ожоги, и они дрожали.

— Папа? — я дотронулась до его лица. — Ты заболел?

Папа покачал головой:

— Нет, мышонок, я в порядке.

Обычно, когда папа приходил, он сразу подхватывал меня на руки, кружил, рассказывал, какие вещи нашёл для меня и что интересного увидел. Он приносил еду, одежду и всякие штуки, про которые говорил: «в хозяйстве пригодится». А иногда папа находил сокровища! У меня уже есть плюшевая лисичка, кукла (правда, нам с мамой пришлось пришивать ей ноги, но зато у неё настоящее блестящее платье!), книжки и розовая заколка — как в сказке, где у принцессы были волосы до самой земли. Ещё у меня есть браслет с зелёными камешками, похожими на глаза дракона из книги.

Все свои сокровища я хранила в рюкзаке. Его тоже папа принёс с охоты, а потом нашёл новый, а мне отдал свой старый.

— Ты мне что-нибудь принёс? — спросила я.

Обычно этот вопрос вызывал на его лице улыбку, но сегодня... папа на меня почему-то даже не смотрел. Взгляд его уходил куда-то поверх моей головы. Он что, на меня обиделся?

— Завтра, мышонок, — сказал он хрипло. — Завтра покажу. А сейчас нам с мамой нужно поговорить.

— Пойдём, Саш, сначала поедим. Ты замёрз. Ужин уже готов, — тихо сказала мама и повела его за руку в дом.

Папа никогда не болел, но сегодня я смотрела на него и думала: может, у него внутри что-то сломалось? За ужином он ел медленно, почти не поднимая головы, а вилку держал так, словно она весила больше топора, которым он рубил деревья. Когда я попыталась рассказать ему про божью коровку, он только один раз кивнул и замер. Кажется, он даже меня не слушал. И ни разу не улыбнулся.

После ужина мама меня уложила спать, поцеловала в макушку и тихо вышла. Они с папой ушли к себе. Я немного подождала, пока их шаги стихнут, потом тихонько высунулась из-под одеяла и босиком пробралась к двери их спальни.

Вдруг они плачут? Если кто-то плачет — надо обнять. Это важно.

Я прислонила ухо к двери и прислушалась.

Но слышно было только, как билось моё сердце — бум, бум, бум. Из-за двери не доносилось ни звука. Я ещё чуть-чуть постояла, а потом вернулась в свою комнату.

Если папа устал, нужно быть очень тихой.

Это я умею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.